

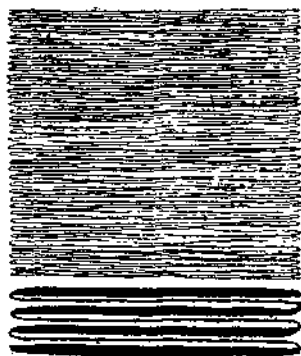
Сокровища Мировой
Литературы

Геррих Зейн

Стихотворения

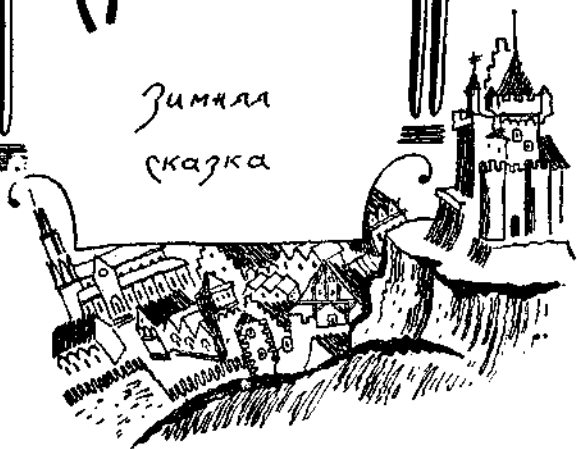

Академія
Москва-Ленинград
1931

Германия

Земля
сказка

ГЛАВА ПЕРВАЯ

То было печальной ноябрьской порой;
Мрачнее день становился,
Рвал ветер поблекшие листья с ветвей,
И я в дорогу пустился.

И чуть до границы доехал, в груди —
Почувствовал — застучало
Сильней, и кажется даже, в глазах
Мокренько будто бы стало.

И чуть я услышал немецкий язык,
В душе у меня ощутилось
Вдруг странное что-то: казалось, кровь
Из сердца нежно сочилась.

Малютка-артистка запела; она
И очень чувствительно пела,
И очень фальшиво, но тронуть меня
Игрой глубоко сумела.

Мне пела она про любовь, про ее
Мученья, жертвы, свиданья —
Там, в выси небесной, в иной стране,
Где все исчезнут страданья.

Мне пела она о юдоли земной,
О счастья, столь скоротечном,

О мире загробном, где дух, просветлен,
В блаженстве плавает вечном.

Мне пела она отречения песнь,
Небесную эйапопейю;
Ребенка-народ, чтоб унять его плач,
Давно баюкают ею.

Я знаю мелодию, знаю и текст,
И авторов знаю прекрасно;
Тайком они попивали вино,
Пить воду советуя гласно.

Нет, новую песнь, друзья, пропою
Для вас я — лучшего склада:
Устроить небесное царство здесь,
Уж здесь, на земле, нам надо.

Уж здесь, на земле, будем счастливы мы:
Про голод ни слуху, ни духу,
Того, что добыто прилежной рукой,
Не жрать ленивому брюху.

Достаточно хлеба растет внизу,
Всем хватит милостью бога;
И миртов, и роз, красот и утех,
И сладких горошинок много.

Да, сладкий горошек, чуть лопнут стручки,
Для всякого здесь найдется;
А горнее царство пускай воробьям
И ангелам достается.

А вырастут крылья по смерти у нас, —
К вам, в горние ваши селенья,
Взлетим и вместе покушаем там
Блаженных тортов, варенья.

Да, новую песнь — прекраснее той!
С ней флейтам и скрипкам едва ли

Сравниться! Долой miserere! Звонить
По мертвым мы перестали.

Помолвлена дева Европа; ее
Ждет с богом свободы венчанье;
В объятия пали друг другу они,
Блаженствуют в первом лобзаньи.

И если венчались они без попа,
Отнюдь не ослаблен этим
Их брачный союз. Много лет жениху,
Невесте, будущим детям!

Да, новая, лучшая песня моя —
В честь брака их песнопенье!
В душе моей яркие звезды встают —
Небесное откровенье.

Восторгом диким пылают они,
Текут огневыми ручьями.
Я чую чудную силу в себе,
Я вырвал бы дубы с корнями.

Чуть стал я на землю родную, во мне
Волшебные соки струятся;
До матери вновь прикоснулся гигант,
И вновь в нем силы родятся.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Меж тем как малютка про счастье в раю
Пускала под музыку трели,
Досмотрщики прусские мой чемодан
Внимательно осмотрели.

Все перенюхали, рылись до дна
В рубашках и панталонах,
Искали кружев, вещей золотых,
А также книг запрещенных.

Глупцы! Чего в чемодане искать!
Ведь там ничего не найдется.
Моя контрабанда в моей голове
Повсюду со мной везется.

В ней тонкие кружева есть, до них
И брюссельским очень далеко:
Лишь стоит вынуть мне их, — и вас
Уколют они жестоко.

Я в ней драгоценные камни ношу,
Брильянты для дней грядущих,
Сокровища храма иных богов,
В великом Неведомом сущих.

И смею уверить, немало в ней
Есть также и книг схороненных;
Моя голова — это птичье гнездо
Щебечущих книг запрещенных.

Поверьте, и в книжных шкапах сатаны
Зловреднее не бывает;
Гораздо опасней они и тех,
Что фон-Фаллерслебен слагает.

Стоявший рядом со мной пассажир
Заметил, что передо мною
Таможенный прусский союз, страну
Сковавший цепью одною.

«Таможенный прусский союз, — он сказал, —
Народности положит
Основу; раздробленным силам он
В едино слиться поможет.

Единство внешнее он принесет,
Что мы зовем матерьяльным;
Цензура ж духовным единством снабдит —
И, значит, вполне идеальным.

Единство внутри принесет она,
И в мыслях и в чувствах: нужно,

Чтоб родина наша единой была,
Единой внутри и наружно».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В соборе ахенском погребен
Карл Magnus; пусть не смешает
Иной его с Карлом Майером — тем,
Что в Швабии проживает.

Я вовсе не склонен в соборе, в гробу
Лежать, как мертвец-император;
Согласен я лучше в Штуккерте жить,
Как самый плохой литератор.

На ахенских улицах скучно псам,
И молят они со смиреньем:
«Прохожий, дай нам пинка! Для нас
Послужит он развлеченьем».

Прошлялся я в этом скучном гнезде
Часок; на улице встретил
Военных прусских, и в них перемен
Особенных не заметил.

Все серые те же плащи; воротник
Высокий и красный остался
(Сей цвет знаменует французскую кровь.
Как Кернер встарь выражался);

Все тот же педантский, дубовый народ;
По-прежнему в каждом движеньи
Прямые углы; на каждом лице —
Застывшее самомнение.

Все так же навтыжку ходят они
Шагами ходульно-прямыми,
Как будто тот фухтель, которым их встарь
Лупили, проглочен ими.

Да, фухтель еще не исчез вполне,
В душе он у них пребывает,
И в дружеском «ты» старинное «он»
Сквозить еще продолжает.

Усы — это новый лишь фазис косы
Старинного времени; косам,
Висевшим тогда на затылке, теперь
Висеть велели под носом.

Нашел я довольно красивым костюм
Теперешний армии конной;
Шишак мне особо по вкусу — шлем
С верхушкой стальной, заостренной.

Тут рыцарством веет, и вспомнишь тут
Романтики милую пору;
Тик, Уланд, Фуке и мадам Монфокон
Являются нашему взору.

Тут вспомнишь прелести средних веков —
С ландскнехтами и пажами,
Что верность носили в своих сердцах,
А зад расшивали гербами.

Тут вспомнишь турниры, крестовый поход,
Култ женщин, богу обеты,
И веры век беспечатный, когда
Не издавались газеты.

Да, очень мне нравится этот шлем,
Он — знак остроумья на троне.
Его король изобрел. Остроты
Довольно в этом фасоне.

Я только боюсь, коль случится гроза,
В ваш мир романтики старой,
Пожалуй, притянутся тем острием
Новейших молний удары.

А вспыхнет война, — и убор головной
Полегче купить принудит:

Вам средневековый тяжелый шлем
Помехою в бегстве будет.

На вывеске ахенской почты опять
Явилась мне птица, глубоко
Противная мне; вперила в меня
Свое ядовитое око.

Поганая птица! Ну, попадись
Мне в руки только, поверь, я
И когти хищные отрублю,
И выщиплю твои перья.

Потом у меня на высоком шесте
Ты в воздухе будешь качаться;
Я рейнских стрелков туда приглашу
В веселой стрельбе упражняться.

Кто птицу сшибет, тому молодцу
Корону и скиптр поднесу я;
Мы туш протрубим и «Ура, король!
Да здравствует!» — крикнем, ликуя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Я к вечеру в Кельн приехал, и тут
Услышал Рейна журчанье;
Немецкий воздух обвеял меня,
Тотчас оказав влиянье

На мой аппетит. Яичницы я
Поел с ветчиной; но соли
В ней было так много, что все запить
Рейнвейном пришлось поневоле.

Как золото, в рюмках зеленых рейнвейн
Все так же точно блистает;
Но если его ты не в меру хватил,
Он в нос тебе ударяет.

Щекочет сладко в носу у тебя,
С блаженством расстаться нет мочи.
И вот меня потянуло пройтись
По улицам, в сумрак ночи.

Ряд каменных зданий смотрел на меня.
Как будто хотел сказанья
Минувших веков поведать, открыть
Священного Кельна преданья.

Здесь мир поповский в былые года
Свое благочестье правил;
Здесь было господство тех «темных людей»,
Которых Гуттен ославил.

Здесь в средневековом канкане монах
С монахиней изошрялись;
И Менделем кельнским, Гохстратеном, здесь
Доносцы с ядом писались.

Здесь многое множество книг и людей
Пожары костров уносили,
Причем раздавался с церковей трезвон,
И «Кирие элейсон» гнусили.

Здесь глупость и злоба, сцепясь, как псы,
По улицам бегали блудно;
Их род, по слепой к иноверцам вражде,
Узнать доныне нетрудно.

Но что я вижу? Во мраке ночном
Встает, озарен луною,
Какой-то дьявольски черный колосс —
То кельнский собор предо мною.

Бастилией духа он должен был стать
По мысли хитрого Рима:
«Зачахнет здесь немецкая мысль,
Тюрьмой гигантской теснима».

Но Лютер пришел, и сказал свое
Великое «Стой!», — и скоро

Работу пришлось прекратить; с тех пор
Не стало больше собора.

Его незаконченность радует нас:
Нашли в ней себе оправданье
И памятник вечный — германская мощь,
И протестантства призванье.

О жалкий, глупый соборный совет!
Рукой бессильной вы мните
Достроить старую крепость, за труд
Неконченный взяться хотите!

Безумье! Пускай колокольчик в церквах
Звенит себе, сколько угодно,
Пусть вам подаянье дает еретик
И даже еврей — бесплодно!

Пусть в пользу собора великий Франц Лист
Играет, и пусть любезно
Король-декламатор читает стихи
Пред публикой, — бесполезно!

Не будет достроен кельнский собор,
Хотя и доставлен глупцами
Из Швабии с этой целью большой
Корабль, груженный камнями.

Не будет достроен, кричи не кричи
Вороны и филины — птица.
Которой любо, по старине,
В пыли церковной ютиться.

И даже такая придет пора,
Что, вместо его окончанья,
В конюшню предпочтут обратить
Громаду этого зданья.

«Но если в конюшню его обратить,
То вот затрудненье какое:
Куда перенести трех царей, что там
В ковчеге лежат на покое?»

«Вот странный вопрос! В наше время нет
Нам нужды больше стесняться:
Не трудно трем восточным царям
В другую квартиру обратиться.

Вы в Мюнстере можете их поместить —
Совет разумен, поверьте —
В трех клетках железных, висящих там
На башне святого Ламберти.

Когда б оказалось, что нет одного
Из этого триумvirата, —
Ну, что ж! в замену восточному взять
На западе можно собрата».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Я к рейнскому мосту, на самый вал
Пришел, — и вот предо мною
Струит свои воды почтенный Рейн,
Светясь под мирной луною.

«Здорово, старый, почтенный Рейн!
Ну, как тебе поживалось?
Не раз я с тоской тебя вспоминал,
И сердце к тебе устремлялось!»

Сказал — и слышу в речной глубине
Сердитые, странные звуки,
Как будто бы кашель глухой старика,
Ворчанье и вздох доуки.

«Здорово, сынок! Приятно, что ты
Меня не забыл; примерно,
Тринадцать лет мы не виделись. Мне
Жилось это время прескверно.

Я в Бибрихе камни глотал, и они,
Признаться, невкусные были;
Но Никласа Беккера, друг, стихи
Желудок сильнее отягчили.

Меня воспел он, как будто я
Еще непорочная дева,
С которой никто не посмеет сорвать
Венка, страшась ее гнева.

Когда мне эту глупую песнь
Услышать порой случится,
Готов я всю бороду вырвать свою,
В себе самом утопиться.

Что я не чистейшая дева — про то
Французы лучше узнали;
С моею водой они часто свои
Победные воды мешали.

Глупейшая песнь, глупейший поэт!
Меня он позорно ославил,
И политически тоже меня
В двусмысленном свете поставил:

Ведь если французы воротятся, мне
Придется краснеть от смущенья, —
Я часто у неба, в горячих слезах,
Просил об их возвращеньи.

Французов я очень любил всегда —
Такие, право, плутишки.
Что, все еще скачут они, поют?
Все белые носят штанишки?

Весьма бы хотелось увидеть их,
Но только боюсь, пожалуй,
Насмешки пойдут из-за этих стихов
Проклятых, — и ради скандалу

Альфред де-Мюссе, забияка-гамен,
Быть может, командуя ими,
Придет барабанщиком и в меня
Ударит остротами злыми».

Так плакался бедный, почтенный Рейн,
Не мог остаться в покое.

Чтоб дух в нем поднять, в утешение я
Промолвил слово такое:

«Насмешки французов, мой славный Рейн,
Не бойся; французы бывые
Исчезли, — не тот уж нынче народ;
Штаны у них тоже иные.

Штаны их не белы, а красны теперь,
Им пуговики новые дали;
Не скачут уж больше и не поют,
Задумчивы головы стали.

Они философствуют, темой бесед
Им служат Фихте и Гегель;
Охотно курят и пиво пьют,
И есть любители кегель.

Такие ж филистеры, как и мы,
Пожалуй, нас перегонят;
Меж них вольтерьянцев уж нет, они
Теперь к Генгстенбергу клонят.

Альфред де-Мюссе, это правда, гамен
По-прежнему, но напрасно
Не бойся: глумливый его язык
Сковать мы можем прекрасно.

Коль злой остротой его барабан
Ударит, мы свиснем другою,
Позлее — о том, что случилось с ним
У барынь красивых порою.

Итак, успокойся! И скверную песнь
Забудь до последнего слова.
Песнь лучшую скоро услышишь. Прощай.
С тобой увидимся снова!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

За Паганини повсюду ходил
Его spiritus familiaris

То в виде собаки, то в виде людском —
Поэта Георга Гаррис.

Пред важным событием встречал Бонапарт
Фигуру красного цвета;
Свой демон был у Сократа; не бред
Людской фантазии это.

Я сам, за письменным сидя столом,
Ночную видел порою, —
Зловещий, замаскированный гость
Стоял у меня за спиною.

Он что-то скрывал под плащом, и когда
Случайно оно открывалось,
То странно блестело и топором,
Секирой смерти казалось.

Приземист и плотен он с виду был;
Глаза — как звезды; в писаньи
Он не мешал мне и всегда
Держался на расстоянья.

Прошло много лет с той поры, как мне
Товарищ странный являлся, —
И вдруг в эту тихую лунную ночь
Он в Кельне вновь повстречался.

Задумчиво шлялся по улицам я,
Вдруг вижу его за спиною;
Как тень — неотступен: иду — идет;
Я стану, и он со мною.

Стоит и как будто чего-то ждет;
Пойду умышленно скоро, —
Он тоже шаги ускоряет. И так
Пришли мы на площадь собора.

В досаде, к нему обратясь, я сказал;
«Тебя зову я к ответу:
С чего ты вздумал за мною ходить
В полночную пору эту?»

Тебя я встречаю всегда в часы,
Когда мировые стремленья
Родятся в груди моей, а в мозгу
Пронесятся озаренья.

В меня неподвижный и пристальный взгляд
Вперил ты. Что ты скрываешь
С таинственным блеском под плащом?
Кто ты, чего ты желаешь?»

Он сухо, почти флегматично мне
Ответил: «Брось заклинанья,
Прошу тебя очень; не к месту здесь
И громкие эти воззванья.

Отнюдь я не призрак и вовсе не встал,
Как пугало, из могилы;
Философ я слабый, и мне цветы
Риторики тоже не милы.

Натурой я практик, спокоен всегда,
Молчание сохраняю;
Но знай, — что задумано в мыслях тобой,
Немедля я исполняю.

И если мне даже приходится ждать,
Ждать долго, — работе всецело
Я отдан, пока ее не свершу.
Ты мыслишь, я делаю дело.

Ты — властный судья, я — немой палач;
Ты ставишь решение, я же
Послушно исполнить спешу приговор,
Хотя б несправедный даже.

Пред консулом в Риме, бывало, несли
Секиру, порядка ради;
Ты ликтора тоже имеешь, но он
Тебя провожает сзади.

Да, знай, я — твой ликтор; везде за тобой
Хожу; в любое мгновенье

К услугам твоим мой блестящий топор;
Я — мысли твоей свершенье».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Пришел я домой и уснул, точно был
Святым убаюкан духом.
В немецких постелях так сладко лежать, —
Они наполнены пухом.

Как часто в изгнании мечтал я с тоской
Про сладость родной перины,
Когда в бессонные ночи лежал
На жестких матрацах чужбины.

Прекрасно спится и грезится нам
На нашей постели пуховой;
В минуты эти с немецкой души
Спадают земные оковы.

Она себя чувствует свободной и ввысь,
В небесные мчится селенья.
О, души немецкие! В грезах ночных
Как горды ваши паренья!

Заслышав ваш полет, в небесах
Дрожат бессмертные боги;
И крыльев размахом звезду за звездой
Сметаете вы с дороги.

Французам и русским подвластна земля,
Британцам море покорно,
Но в царстве воздушном мечтательных грез
Немецкая мощь бесспорна.

Здесь в наших руках гегемония; здесь
Мы все нераздельно слились,
Не так, как другие народы, — они
На плоской земле развились.

Когда я заснул, мне привиделся сон:
По улицам древнего Кельна,

Облитым ярким сияньем луны,
Я странствовал вновь бесцельно.

Мой черный таинственный спутник вновь
Со мной шел рядом. Сгибались
Колени, отчаянно я устал,
Но мы вперед подвигались,

Все дальше. Сердце в груди моей
Разверстой раной зияло,
И, капля за каплею, алая кровь
Из раны этой бежала.

Порой я обмакивал пальцы в кровь
И — случаи были нередки —
На воротах домов по пути
Кровавые ставил метки.

И только что знак поставлю такой
На доме, звон погребальный
Раздастся издали, словно
Болезненный и печальный.

А в небе месяц тускнел, и тьма
Сгушалась; в дикой погоне
Зловещие тучи грядой неслись
За ним, как черные кони.

Мой темный товарищ с топором
По-прежнему шел нераздельно
Со мной, и долго по улицам мы
Вдвоем бродили бесцельно.

Бродили, бродили — и вновь пришли
На площадь ту же; находим
В полночную пору собора дверь
Открытой настежь — и входим.

В громадном пространстве царили смерть
И ночь, и молчанье; горели
Местами лампы, как будто тьму
Чернее сделать хотели.

Я долго ходил вдоль высоких колонн,
И только шаги за спиною
Звенели: то спутник был; он и здесь
Шагал безмолвно за мною.

И вот мы в капелле восточных царей;
Свечами она пламенела
И массою драгоценных камней
И золотом ярко блестела.

Но чудо какое! Святые волхвы,
Что неподвижно лежали
Уж сколько веков, теперь на своих
Гробницах восседали.

Скелеты облек фантастичный наряд;
Украшены гордо венцами
Их желтые черепы; держат скиптр
Они костяными руками.

И, как у кукол, их кости, давно
Иссохшие, шевелились,
И в воздухе запахи гнили, а с ней
И ладана проносились.

Один даже ртом шевельнул, и меня
Почтил своим объясненьем,
До крайности длинным, — за что я ему
Обязан высоким почтеньем:

Во-первых, за то, что он мертв; во-вторых, —
Царем когда-то считался;
А в-третьих, — его признали святым . . .
Но я равнодушен остался.

И так, засмеявшись, ему сказал:
«Что проку в твоих разьясненьях?
Я вижу, что с прахом былых времен
Ты связан во всех отношеньях.

Ступайте отсюда! Вам место одно —
Во мраке сырой могилы;

Сокровища этой капеллы, возьмет
Жизнь, полная власти, силы.

Грядущего конница — дайте срок —
В соборе, здесь поселится;
Не выйдете мирно, так палками вас
Заставлю в бегство пуститься».

Сказал и назад обернулся — и вдруг
Ужасное вижу сверканье
Ужасной секиры: мой спутник немой,
Поняв мое приказанье,

Приблизился с секирой своей
К былых суеверий скелетам
И начал несчастных рубить и рубить,
Рубить нещадно. Ответом

Ему отгрянуло эхо от стен,
От сводов! И вновь полился
Кровавый поток из груди моей,
И в ужасе я пробудился.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

До Гагена стоит из Кельна проезд
Пять талеров прусских; достался
Билет мне в открытом возке: дилижанс
Уж занятым оказался.

Осенняя сырость; телега в грязи
Кряхтела. По скверной дороге
И скверной погоде, всему вопреки,
Я был в отрадной тревоге.

Ведь это воздух отчизны! Он жжет
Своей живительной силой
Мне щеки, И эта дорожная грязь —
Ведь грязь моей родины милой!

Приветно кони махали хвостом,
Как будто я друг их старинный,
И мне Аталантовых яблок милей
Был круглый помет лошадиный.

Вот Мюльгейм проехали. Город хорош,
Хорош и нрав у народа —
Прилежный, скромный. Я не был здесь
С весны тридцать первого года.

В ту пору на всем был цветочный наряд,
И птицы в ветвях щебетали,
И солнце смеялось, в игре лучей,
И люди, надеясь, мечтали —

Мечтали: «Ну, скоро уйдут теперь
И тощие рыцари наши;
Из длинных железных бутылок нальем
Питья им в прощальные чаши.

И с песнями, с пляской, с хоругвью своей
Трехцветной свобода прибудет;
Пожалуй, что ею и Бонапарт
Из гроба к нам вызван будет!»

Ах, господи! Рыцари все еще здесь!
И сколько этих болванов,
Что, тощи как спички, явились к нам,
Теперь превратились в пузанов!

У бледных каналов, сиявших тогда
Надеждой, верой, любовью,
Теперь, в угощениях нашим вином,
Носы как налиты кровью.

Свобода ногу свихнула себе,
Хромает, уж нет отваги;
На башнях парижских грустят, опустятся,
Ее трехцветные флаги.

Восстал меж тем император, но так
Задор его усмирили

Британские черви, что он допустил,
Чтоб вновь его схоронили.

Я сам погребение видел, когда
Златую везли колесницу;
На ней златые богини побед
Златую держали гробницу.

Медлительно вдоль Елисейских Полей,
Под аркою Триумфальной,
Сквозь снежные хлопья и сквозь туман
Тянулся хор погребальный.

В игре музыкантов был страшный разлад, —
От стужи они коченели;
Орлы со штандартов на меня
С печалью немой глядели.

Толпой привидений казался народ,
Ушедший в память былого;
Пред ним императорский сказочный сон
Был чарами вызван снова.

Я плакал в то утро печальное. Взор
Невольно слезой омрачился,
Когда предо мною забытый крик:
«Vive l'Empereur!» прокатился.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Из Кельна в осьмого три четверти мы
Уехали; к трем уже были
На Гагенской станции; здесь в этот час
Обедом нас покормили.

Тут старогерманская кухня была
В ее красе настоящей.
Привет мой кислой капусте! По мне
Твой запах всех прочих слаще.

Каштаны в зеленом салате! Ел
У матушки их я когда-то.

Привет и треске родимой! Умно
Ты плаваешь в масле! .. О, свято

Вовек остается для нежных сердец
Отечество! .. Да, признаться,
Люблю я и яйца и мелких сельдей,
Когда хорошо прокопятся.

Как радостны в брызжущем жире своем
Сосиски! Смирно лежали,
Как ангелы, жареные дрозды
В компоте, и щебетали:

«Здорово, земляк! Давно тебя
Не видели мы! За границей
Ты проживал, и компанию там
Водил с нездешнею птицей».

Меж яств и гусыня была — существо
Чувствительной, кроткой породы.
Кто знает? Быть может, она меня
Любила в былые годы?

Смотрела она на меня тепло
И преданно, и уныло;
Душа в ней, наверно, нежна, мягка,
Но тело прежестким было.

Свиную голову затем
Нам подали тоже на блюде;
Доселе рыла свиные у нас
Венчают лаврами люди.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Сейчас же за Гагеном стало темно;
Я странный озноб всю дорогу
До Унны в кишках ощущал; лишь там,
В трактире, согрелся немного.

Здесь пуншу стакан получил я из рук
Приветливой юной красотки;

Как шелк золотой — ее кудри; глаза,
Как отблеск месяца, кротки.

Ее шепелявый вестфальский акцент
С восторгом слушал опять я,
И память о прошлом в парах пуншевых
Воскресла: милые братья,

Я вспомнил вас, вестфальцы мои,
И Геттинген, где напивались
Мы с вами и, нежно в объятьях сплетясь,
Под стол потом опускались.

Да, милых и добрых вестфальцев всегда
Любил я; такой это верный,
Надежный и крепкий народ, без следа
Бахвальства, лжи лицемерной.

Как славно, со львиной душой своей,
Стояли они на мензуре!
В их терцах и квартях блюлись
Согласно честной натуре.

Прекрасно фехтуют, прекрасно пьют;
Когда поцелуем их губы
Скрепляют дружбу, то плачут они —
Чувствительно-нежные дубы!

Пусть небо хранит тебя, славный народ,
И счастье тебе посылает,
От славы излишней, от войн тебя,
От всяких геройств спасает.

Сынам твоим пусть помогает оно
Сдавать успешно экзамен;
А дочек прилично и мило ведет
К венцу желанному. — Amen!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Вот лес Тевтобургский; описан он
У Тацита; вот перед нами

Болото славное, то, где Вар
Завяз со своими полками.

Здесь Германа дланью он был сражен,
Херусского славного князя.
Победа немецкой народности здесь
Одержана, в этой грязи.

Когда бы с ордой белокурой своей
Не выиграл Герман сраженья,
Конец бы немецкой свободе, и нам
Под Римом быть, без сомненья.

Нам римские нравы и римский язык
Давно бы были привиты;
Весталки и в Мюнхене бы нашлись,
И швабы звались бы «квириты».

Гаруспексом Генгстенберг стал бы — в кишках
Бычачьих искать ответов;
Неандер бы авгуром стал — от птиц,
В полете их, ждать советов.

Бирх-Пфейфер пила бы скипидар.
Подобно римлянкам знатным,
(У них, говорят, от того моча
Особо была ароматной).

И не был бы Раумер немецкая дрянь,
Он стал бы — римский Дрянаций,
Без рифм писал бы стихи Фрейлиграт,
Как некогда Флакк Гораций.

Грубьян-попрошайка, папаша Ян,
Звался б теперь Грубиянус;
Ме Hercule! Масман беседы б вел
Латынью — Марк Туллий Масманус.

Поборники правды дрались бы лишь
С гиенами, тиграми, львами.
Сражаться бы им не пришлось теперь
В ничтожных журналах с псами;

На место трех дюжин владык одного
Нерона имели б народы;
Себе мы бы резали жилы на зло
Презренным врагам свободы.

Наш Шеллинг, вторым Сенекою став,
Под этим пал бы конфликтом;
Корнелиус мог бы услышать от нас:
«*Scacatum non est pictum*».

Но Герман противника победил,
И изгнаны им иноземцы:
Вар пал со своими полками, и мы
По-прежнему, к счастью, немцы.

Мы — немцы, как прежде; опять говорим
Мы по-немецки; куда бы
Ни двинулись, *Esel* — названье осла,
Не *asinus*; швабы — швабы.

И Раумер, как прежде, немецкая дрянь,
Украшен орденом знаком;
Все рифмами пишет стихи Фрейлиграт,
Не стал Горацием Флакком.

И Масман латынью речей не ведет,
Бирх-Пфейфер творит лишь драмы,
Не пьет скипидара дрянного она,
Как римские светские дамы.

О Герман, тебе мы обязаны всем!
Народ благодарным остался
И в Детмольде памятник ставим тебе, —
Я сам на днях подписался.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Ползет наша бричка в лесной темноте.
Вдруг треск подо мной. Отлетело,
Сломавшись, у нас колесо. Стоим,
Совсем незабавное дело!

Слезает почтарь и в деревню спешит;
А я, одинокий, остался
Средь леса, в полночную пору. Вдруг
Отчаянный вой раздался.

То волки голодную глотку свою,
Сойдясь в кружок, разевают;
В ночной темноте огневые глаза,
Как свечи, горят и сверкают.

Наверно, узнав о приезде моем,
Почетный прием захотели
Устроить мне — осветили лес
И хором привет запели.

Да, ясно я вижу теперь: это мне
Устроили серенаду.
Я стал в позытуру и произнес
С растроганным видом тираду:

«Товарищи волки! Я счастлив себя
Сегодня видеть в собраньи
Сердец благородных, от коих ко мне
С любовью летит завыванье.

Что в эту минуту чувствуя я,
Не выразить словом, конечно;
Прекраснейший этот час для меня
Останется памятным вечно.

Примите мою благодарность за то
Доверие, коим почтили
Меня и с которым вы мне не раз
Во дни невзгоды служили.

Товарищи волки! Из вас не один,
Во мне усомнясь, не попался
На удочку плутов, кричавших, что я
На сторону псов передался;

Что стал я отступником и вступлю
Гофратом в стадо овечьё;

Считал унижительным я для себя
Оспаривать это злоречье.

Хоть шубой овечьей себя порой
В холодные дни я грею,
Но верьте, что счастье овец никогда
Мечтой не бывало моею.

Да, я не овца, не треска, не гофрат,
Не пес, — мне волки лишь любви;
Я волком остался, как был, у меня
Все волчье — сердце и зубы!

Я — волк и по-волчьи вою всегда;
Здесь каждый рассчитывать может
И впредь на меня; помогайте себе
Вы сами, — и бог вам поможет».

Такую-то речь я им произнес,
Совсем не готовившись; эти
Слова, исказив их, Кольб поместил
Потом во «Всеобщей Газете».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Вот Падерборн. Солнце сегодня взошло
С досадливым выраженьем,
Ведь занято скучной работой оно —
Дурацкой земли освещеньем.

Осветит одну половину ее,
Полет направит в другую,
А первая тою порою, глядь,
Во тьму погрузилась ночную.

Не может управиться с камнем Сизиф,
Данаевы дочери даром
Льют воду в бочку, и солнце вотще
Горит над земным нашим шаром!

Туман разошелся, и алой зари
Лучи предо мной осветили
У края дорожного образ того,
Кого ко кресту пригвоздили.

Твой образ всегда мне внушает страх,
Несчастный мой прародитель,
Глупец, желавший мир искупить,
Человечества ты спаситель!

Плохую шутку люди с тобой,
Сыграли в своем коварстве!
Зачем без оглядки ты им говорил
О церкви, о государстве.

К несчастью, еще не знаком был твой век
С печатным станком чудесным;
Наверное, книгу бы ты написал
По всем вопросам небесным.

Чтоб ею не был уколот никто,
В ней сделал бы цензор изъятья;
Любовно спасла бы цензура тебя
От крестного распятыя.

Ах, если б нагорную проповедь ты,
Построил в словах пристойных!
С изрядным талантом твоим и умом
Ты мог бы щадить достойных.

Менял и даже банкиров бичом
Из храма ты гнал в ослепленьи —
Несчастный мечтатель! Теперь ты висишь,
Как предостереженье.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

По голой равнине при ветре сыром
В грязи плетемся уныло.
Но в сердце моем звучит и поет:
«Ты, солнце, каратель-светило!»

Так старая песня кончалась, — ее
Мне нянька часто певала,
«Ты, солнце, каратель-светило!» — как зов
Лесного рожка звучало.

Та песня поет об убийце; он жил
В довольстве, в весельи блестящем;
Но вот, наконец, был найден в лесу
На иве плакучей висящим.

И к дереву смертный его приговор
Гвоздем прибит был: свершило
Судилище фэмы свой мстительный суд —
Ты, солнце, каратель-светило!

Убийца был солнцем к суду привлечен,
Оно обвинить побудило;
Оттилия крикнула в смертный час:
«О солнце, каратель-светило!»

Чуть вспомню ту песню, — и няню свою
Старушку я вспоминаю:
Все складки, морщины на смуглом лице
Так живо себе представляю!

В деревне вестфальской родившись, она
Имела запас превосходный
Преданий, сказок, волшебных легенд
И песен в манере народной.

С каким я биением сердца внимал
Рассказу про королевну
Что, косы плетя золотые, в степи
Сидела одна ежедневно.

Гусей сторожила в степи она;
Когда ж вечером загоняла
Их в город обратно, всегда у ворот
В глубокой скорби стояла.

Прибита была к ним коня голова, —
Она королевне знакома!

Ах, конь этот бедный ее принес
В чужбину из отчего дома.

Вздыхает до слез королевская дочь:
«О Фалада, ты повешен!»
И голова отвечает с ворот:
«Я за тебя безутешен!»

Вздыхает до слез королевская дочь
«Когда бы мать это знала!»
И голова отвечает с ворот:
«Ей сердце б весть разорвала!»

Не смея дохнуть, я старухе внимал,
Когда, уж в тоне серьезном,
О Ротбарте речь заводила она,
Об императоре грозном.

Она уверяла, что он не мертв,
Как думает мир наш ученый:
Он жив и скрывается только в горе,
Дружиною окруженный.

Кифгейзер — гора та зовется; внутри
Пещера; высоко аркады
Возносятся в залах, и там горят
Таинственным светом лампы.

И первая зала — конюшня; туда
Войди, — увидишь стоящих
У ясель тысячи тысяч коней
В серебряных сбруях блестящих.

Оседланы, взнузданы кони, но
Недвижны; не слышно ржанья
И стука копыт, точно здесь стоят
Чугунные изваянья.

А в зале второй на соломе лежат
Тысячами солдаты;
Воинственно грозны лица — народ
Здоровый и бородатый.

С оружием, в броне с головы до ног
Вся армия; да, но тоже
Лежат храбрецы недвижно; сковал
Их сон непробудный на ложе.

Вдоль третьей залы громадный склад
Различных видов оружия —
Тут шлемы, секиры, брони, мечи
И старофранкские ружья.

Немного здесь собрано пушек, но их
Трофей построить достало,
И знамя воздвигнуто в высоте
Над ним, черно-золото-ало.

В четвертой — сам император. Сидит
На каменном стуле, рукою
Могучей о каменный стол опершись,
С опущенной головою.

Сидит он много веков; борода,
Как пламя красна, достигает
Уже до земли; то глазом моргнет,
То брови мрачно сдвигает.

Он спит иль думает думу? Решить
Нельзя; но пусть лишь настанет
Желанный, давно ожидаемый час, —
И он могуче воспрынет.

Он схватит доброе знамя, и крик:
«Встать! на коня!» — пронесется
По залам высоким: заслышав зов,
Вся конница вмиг проснется.

И вскочит, оружием стуча, на коней,
Топочущих, ржущих ретиво;
Труба гремит, и в мир боевой
Помчались всадники живо.

Все выспались вдоволь, и бьются все
Отлично, ездят отлично;

Убийц покарать император решил
И судит их самолично;

Убийц, чье коварство в былые дни
Германию осквернило —
Чистейшую деву в кудрях золотых...
О солнце, каратель-светило!

Пусть, в замках укрывшись, считают себя
В покое наглые труссы, —
От мстительной петли они не уйдут,
От гневной руки Барбаруссы!

Чудесные сказки старушки моей
Звучат так отраднo, мило!
И суеверное сердце поет:
О солнце, каратель-светило!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Холодный, как лед, как игла, колюч,
Льет дождь; по грязной дороге
Лошадки, печально хвостом шевеля,
Усталые тянут ноги.

Почтарь на козлах трубит в свой рожок,
Я эту песенку знаю:
«Три всадника едут рядом из ворот!»
Я в смутные грезы впадаю.

Клонила дремота меня, — я заснул,
И сон затем мне приснился,
Что я с императором Ротбартом вдруг
В его горе очутился.

На каменном стуле, на каменный стол
Склонившись, уж не сидел он,
И важного вида, в каком представлять
Привыкли его, не имел он.

По залам он спокойно гулял,
Болтал со мной откровенно,
И, как антикварий, показывал все,
Что редкостно и что ценно.

В палате с оружием он мне объяснил,
Как должен быть в дело пускаем
Бердыш; и ржавчину с древних мечей
Стирал своим горностаем.

Метелкой из перьев павлиньих затем
От пыли чистил булаты,
Доспехи различного рода — щиты,
Забрала, шлемы и латы.

Смел пыль со знамени он и сказал:
«Вот чем горжусь наиболее,
Что нет до сих пор червоточин в древке,
И шелк не попорчен от моли».

Когда же в залу мы с ним перешли,
Где тысячи воинов, к бою
Готовых, лежали и спали, старик
Сказал, довольный собою:

«Здесь тише бы нам говорить и ходить,
Чтоб не проснулись солдаты;
Столетье опять истекло, и как раз
Сегодня выдача платы».

И вот он тихо приблизился к ним
И каждому — вижу — солдату
Украдкой, чтоб сон не нарушить его,
В карман кладет по дукату.

Увидев, что я удивлен, он сказал:
«На каждого человека
Положен за службу дукат; я его
Плачу в последний день века».

При этом старик ухмылялся. А там,
Где кони безмолвные рядом

Стояли недвижно, он руки потер
С особо радостным взглядом.

И стал лошадей поштучно считать
И хлопать по крупам руками;
Считал и считал, причем шевелил
Тревожно и быстро губами.

«Нет, все еще, вижу, неполон комплект, —
Сердась, старик, замечает, —
Солдат и оружия достаточно мне,
А вот коней не хватает.

Скупать наилучших коней я давно
Своих ремонтеров отправил
По целому свету — и к прежним коням
Немало новых прибавил.

Жду только комплекта — тогда, на врага
Ударив, добуду свободу
Отчизне и ждущему с верой меня
Так долго уже народу».

Так мне говорил император, — а я:
«Ударь, старина почтенный,
Ударь, — коль не хватит коней у тебя,
Возьми ослов для замены».

Но Ротбарт с улыбкою возразил:
«Нет нужды нам торопиться;
Ведь Рим не в один же построен день,
И медленно дело спорится.

Что нынче не вышло, то завтра придет;
Дуб крепнет не спешно, но рьяно;
И в Римской империи говорят:
Chi va piano, va sano».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Толчок экипажа меня разбудил;
Но снова веки упали.

И скоро опять я заснул, и опять
Мне Ротбарт снился. Гуляли,

Как прежде, по залам пустынным мы,
Болтая; про то и про это
Расспрашивал он и желал узнать
Все новости нашего света,

Оттуда десятки уж целые лет
Старик не имел никакого
Известья, — почти с Семилетней войны
Хотя б единое слово!

«Что делает Каршин? Моисей Мендельсон? —
Расспрашивал он с интересом. —
Людовик Пятнадцатый как с Дюбарри —
Своей графиней-метрессой?»

«О, как, — я вскричал, — ты отстал, государь!
Моисея давно схоронили
С супругой Ревеккой, и сына их
Абрама косточки сгнили.

От брака Абрама и Лии рожден
Сын Феликс, мальчик проворный.
Ему в христианстве весьма повезло,
Он капельмейстер придворный.

И старая Каршин уж умерла,
И дочь ее Кленке скончалась;
В живых, говорят, только внучка ее,
Гельмина Чези, осталась.

Пока был Людовик Пятнадцатый жив,
Жилось Дюбарри превосходно;
На старости лет гильотинным ножом
Казнили ее всенародно.

Людовик Пятнадцатый умер в своей
Постели мирной кончиной;
Шестнадцатый с супругою был
Публично казнен гильотиной.

На казнь королева бесстрашно пошла,
Как сану ее подобало;
Когда ж Дюбарри на помост вели,
Кричала она и рыдала».

Тут император, как вкопанный, стал,
С весьма испуганной миной,
И говорит: «Бога ради, скажи,
Что значит: казнить гильотиной?»

«Казнить гильотиною ... — я сказал, —
Новейшая это метода,
Которой в гроб отправляют людей
Всех званий, всякого рода.

При этой методе пускается в ход
Новейшая машина:
Ее изобрел господин Гильотэн,
Название ей — гильотина.

Ремнями к доске ты привязан; ее
Опустят; ты вдвинут в продольный
Проход меж бревен высоких; вверху
Висит топор треугольный.

Потянут за шнур, — и топор с высоты
Вниз живо, весело мчится;
При этом случае голова
В мешок под доской катится».

Но тут император меня перебил:
«Молчи! Об этой машине
И знать не хочу! Сохрани меня бог
Дать ход такой гильотине!

Король с королевой! Ремнями! К доске
Привязаны! Слыхано ль это?
Ведь тут нарушают почтенья закон,
Ведь гибель тут этикета!

Да ты-то кто такой, чтоб ко мне
Так смело на ты обращаться?

Постой, я до дерзостных крыльев твоих
Сумею скоро добраться.

Всю желчь твоя речь подымает во мне. —
Так страшно она дерзновенна!
Твое уж дыханье преступно: оно
Отчизне, трону измена!»

Когда на меня раздраженный старик
Накинулся с бешеным шумом,
Я тоже вскипел, дав волю своим
Заветным чувствам и думам.

«Гер Ротбарт! — воскликнул я громко, — ты дух
Из сказок; ступай ложиться
И мирно усни, а уж мы без тебя
Свободы можем добиться.

Республики партия нас осмеет,
Начнет колоть остротами,
Увидев, что призрак со скиптром в руках,
С короною, правит нами.

Не любо мне больше и знамя твое;
Немецкое глупое рвенье
К цветам черно-красно-золотому в меня
Уж буршем внесло отвращенье.

Всего бы лучше тебе навсегда
В Кифгейзере старом остаться;
Да нам вообще император теперь
Не нужен больше, признаться».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Во сне с королем поссорился я —
Во сне, разумеется: въяве
Так грубо с монархами говорить
Считаем себя мы не в праве.

Во сне, в идеальных лишь грезах своих,
Мы, немцы, князьям держаем

Немецкие чувства высказывать те,
Что в сердце таим, скрываем.

Проснувшись, себя я увидел в лесу.
Вид этих деревьев и прозы,
Реально нагой, деревянной, тотчас
Рассеял прежние грезы.

Вершинами качали дубы,
В киваньи берез осужденье
Читал я — и крикнул: «Монарх дорогой,
Прости мое дерзновенье!

Прости, о Ротбарт, горячность мою!
Я знаю, ты много мудрее
Меня — я теряю терпенье легко.
Приди, император, скорее!

Коли гильотина не нравится, ты
Останься при старом: дворянству —
По-прежнему меч, а веревку с петлей —
Мещанам, купцам, крестьянству.

Порой лишь меняй методу: повесь
Двух-трех дворянского званья,
А граждан простых и крестьян обезглавь, —
Мы все господни созданья.

Вновь суд уголовный, суд плахи введи.
Что создал с немалым успехом
Карл Пятый, и снова народ раздели
По гильдиям, классам, цехам.

Священной империи римской опять
Дай жизнь и силу былую;
Верни, со всей обстановкой смешной,
Народу ветошь гнилую.

Да, средневековый порядок, какой
Действительно был в свое время,
Снесу я охотно; сними лишь с нас
Уродства двойного бремя —

Штиблетного рыцарства нашего, той
Противной смеси, где либо
Готический бред, либо новая ложь,
Где люди — ни мясо, ни рыба.

Гони комедьянтов, закрой балаган,
Конец положи затее —
Дела старины пародировать нам.
Приди, о Ротбарт, скорее!»

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Мы в крепости Миндене. Славные в ней
Орудья и укрепления;
Но с прусскою крепостью дело иметь
Не чувствую я влечения.

Приехали под вечер мы, и когда
Подъемный мост проезжали,
Зловеще стонал он под нами, а рвы,
Как темные пасти, зияли.

И ряд бастионов смотрел с высоты
С угрозой такой, сурово;
Большие ворота, железом звеня,
Раскрылись и заперлись снова.

И стало мрачно в душе у меня,
Как некогда было с душою
Улисса, когда завалил Полифем
Пещеры выход скалою.

Но вот к экипажу капрал подошел.
«Как имя?» — спросил. Отвечаю:
«Никто — мое имя; я врач глазной
И бельма гигантам снимаю».

В гостинице стало еще тяжелей,
Противно кушанье было:
В постель я тотчас же улегся, но спать
Не мог, — одеяло давило.

Лежал я в пуховой постели; с боков —
По красной камчатной гардине,
Истертый вверху золотой балдахин,
И грязная кисть посередине.

Проклятая кисть! Не давала всю ночь
Она минуты покою,
С угрозой, как меч Дамоклов, вися
Как раз над моей головою.

Порой головою змеиной она
Казалась; я слышал шипенье:
«Ты в крепости здесь и останешься в ней,
В пожизненном заточеньи».

«О, если б возможно мне было теперь, —
Вздыхал я с тоской унылой: —
Быть дома, в Париже, в Faubourg Poissoniere.
Сидеть с женой моей милой!»

Я чувствовал также — на лбу у меня
Как будто что-то черкали;
Мне чудился цензор с холодной рукой, —
И мысли вспять убежали.

Жандармы, укутавшись в саваны сплошь,
Как призраков белых собранье,
Постель окружили, и слышал я
Зловещей цепи бряцанье.

Ах, призраки схватили меня,
Куда-то с собой забрали, —
И вот на крутом я утесе; к нему
Цепями меня приковали.

Опять балдахинная гадкая кисть
Висит надо мной! Теперь я
По виду за коршуна принял ее —
И когти и черные перья.

В ней сходство увидел я с прусским орлом;
Меня схватил он когтями,

Стал печень из груди клевать, — и я
Стонал, обливался слезами.

И долго стонал я, — но крикнул петух,
И бред ночной прекратился,
Я в Миндене в потной постели лежал,
И коршун в кисть превратился.

Я с экстра-почтою поспешил
И только средь вольной природы
Вздыхнул на земле Бюкебургской вновь
С отрадным чувством свободы.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Ошибся ты, Дантон! — и за то,
Что было мнение ложно,
Потом поплатился! Отчизну унести
С собой на подошвах можно.

Чуть-чуть что не княжество все Бюкебург
К моим сапогам прилепилось;
По грязным дорогам таким ходить
Мне в жизни впервой случилось.

Я в город пошел; на родное гнездо
Хотел взглянуть мимоходом;
Здесь дедушка мой появился на свет,
А бабка — из Гамбурга родом.

В Ганнновер приехал я днем: с сапог
Дал счистить грязь; поспешаю
Осматривать город; поездки свои
Я с пользою совершаю.

Какая же, господи, чистота!
На улицах грязи не видно,
Роскошные зданья стоят кругом,
Все так величаво, солидно.

Особенно площадь понравилась мне:
В прекрасных домах вся местность;
Живет тут король, тут его дворец —
Красивая очень внешность

(Дворцовая, то есть). И у дверей
Две будки; с ружьями стражи
И в красных мундирах; они глядят
Свирепо и дико даже!

«Здесь, — объяснил чичероне, — живет
Эрнст Аугустус, старый мужчина
Дворянского звания, тори и лорд,
Для лет своих молодчина.

Он идиллически здесь живет;
Надежней когорт железных
Его охраняет трусливый нрав
Сограждан наших любезных.

Мы видимся с ним; от него всегда
Я жалобы слышу о доле
Скучнейшей, ему присужденной судьбой, —
В Ганновере быть на престоле.

Он к жизни великобританской привык,
И здесь ему тесно, и гложет
Несчастливого сплин; за него я боюсь —
С тоски повеситься может.

Я утром, третьего дня, застал
Его у камина сидевшим.
Он сам готовил клистир своим
Собакам заболевшим».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Из Гарбурга в Гамбург проехал я в час.
Был вечер. Дышала природа
Прохладой и негой, и звезды мне
Кивали с небосвода.

Я к матушке поспешил; она
Почти испугалась сначала
От радости. «Ах, сынок дорогой! —
Всплеснув руками, вскричала.—

Дитя дорогое! Тринадцать лет
С тобой мы не виделись, знаешь;
Наверное, голоден ты, скажи,
Чего ты скушать желаешь?

Есть рыба, есть также жареный гусь
И сочные апельсины». —
«Прекрасно, и рыбу, и гуся давай,
И сочные апельсины».

Я ел с аппетитом. У матушки вид
Был бодрый такой, счастливый.
Расспрашивать стала о том, о сем,
Иной был вопрос щекотливый.

«Хорош на чужбине уход за тобой?
Супруга твоя, сыночек,
Хозяйство ведет умело? Чинит
Изыяны носков, сорочек?»

«Мамашенька, рыба твоя хороша,
Но надо есть осторожно;
Давай помолчим, — я боюсь костей;
Легко подавиться можно».

Покончил я с доброю рыбой, и гусь
Был подан. Матушка стала
Вопросы различные вновь задавать —
Меж них щекотливых немало.

«Где лучше живется, мой милый? У нас?
Во Франции? Как твое мнение?
Какому из двух народов, скажи,
Ты склонен отдать предпочтенье?»

«Немецкие гуси весьма хороши.
Мамашенька милая; все же

Французы лучше шпигуют гусей,
Вкусней подливки их тоже».

Откланялся тоже и гусь. За ним
Ко мне с заявленьем почтенья
Пришли апельсины; их сладость была
Достойная удивленья.

А матушка продолжала свои
Расспросы о сотнях предметов
С большим удовольствием; было меж них
Немало скользких сюжетов.

«Какого ты образа мыслей теперь?
Политикой продолжаешь,
Сынок, увлекаться? Какую своей
Ты партию нынче считаешь?»

«Мамашенька милая, очень вкусны
Твои апельсины; глотаю
С большим удовольствием сладкий их сок,
А корки всегда бросаю».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Полгорода выжег пожар, но его
Тотчас отстраивать стали;
Как полуобстриженный пудель стоит
Мой Гамбург, в тихой печали.

Из улиц старинных уж многих найти
С прискорбием не могу я.
Где дом, где впервые узнал я любовь
И радости поцелуя?

Где та типография, где в печать
Мои «Reisebilder» сдавались?
Где погреб, в котором я устриц глотал,
Едва они появлялись?

А Дрекваль? Где Дрекваль? Напрасно его
Найти я старался. Не стало
Того павильона, где я съедал
Пирожных уйму, бывало.

Не стало и ратуши, где сенат
И бюргерство царили.
Огня добыча! Его языки
Святыню не пощадили!

От ужаса здесь до сих пор везде
Вздыхают; и в слезной печали
Историю страшную мне они
Про бывший пожар рассказали.

«Вдруг разом со всех загорелось концов,
Все скрылось под дымом и блеском
Пожарного пламени. Башни церковей
Пылали, падали с треском.

И старая биржа сгорела, куда
Уж столько веков непреложно
Шли наши отцы и вели дела
Так честно, как только можно.

Но банка, серебряной здешней души,
Не тронул огонь; сохранились
У нас, слава богу, те книги, куда
Расчеты наши вносились.

Для нас в самых дальних краях пошла
Подписка, и, слава богу,
Миллионов восемь — чем не гешефт! —
Собрали мы понемногу.

Раздачей пособий совет управлял —
Вполне христиане, лица
Из самых почтенных; и шуйца у них
Не знала, что брала десница.

В открытые руки к нам деньги текли
Из всех государств; нам слали

Съестные припасы, и мы и их
Признательно принимали.

Наслали нам вдоволь постелей, одежду
И мясо, хлеб, и бульоны;
А прусский король собирался прислать
К нам даже свои батальоны.

Ущерб материальный покрылся вполне,
Мы это ценим сердечно;
Но наш перепуг, перепуг — никогда
Не будет оплачен, конечно!» —

«Вам, милые люди, — я их ободрял, —
Стонать и плакать — не дело,
Ведь Троя был город получше, чем ваш,
А тоже она сгорела.

Постройте снова свои дома,
На улицах грязь осушите;
Пожарный обоз свой и с ним заодно
Законы свои обновите.

Не сыпьте в свой черепаховый суп
Кайенского перца чрезмерно;
И карпов не нужно так жирно варить, —
От них заболеешь наверно.

Индеек вред принесут небольшой,
Но бойтесь беды несомненной
От птицы коварнейшей, снесшей яйцо
В парик бургомистра почтенный.

Назвать эту птицу фатальную вам,
Я полагаю, не надо.
Чуть вспомню о ней, повернется в моем
Желудке пища с досады».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Хоть город и изменился, но в нем
Народ изменился едва ли

Не больше. Подобье ходячих руин,
Все бродят в немой печали.

Худые еще худошавей теперь,
А толстые растолстели;
Ребята — уже старики; старики
В ребячество впасть успели.

Из тех, что телятами были при мне,
Я многих застал быками;
Немало тоже смиренных гусят
Надменными стали гусями.

Я встретил старую Гудель; она
Накрашена, как сирена;
Фальшивые черные кудри у ней,
И зубы — белая пена.

Всех лучше успел сохраниться мой друг
Торговец бумагой; грива
Его пожелтела, и Иоанн
Креститель с ним схож надиво.

Я *** издали видел; шмыгнул
Он мимо, будто взволнован.
Я слышал, что ум погоревший его
У Бибера был застрахован.

Увидел и цензора я своего:
На рынке гусином со мною
Он встретился — одряхлевший такой,
С печалью согбенной спиною.

Мы руку друг другу пожали; в глазах
У старца блеснула слезинка;
Как счастлив он был, увидев меня!
Всех тронула б эта картинка.

Не всех, однако, найти привелось, —
Похитила многих могила;
Ах, даже с моим Гумпелино судьба
Мне встретиться не судила.

Недавно великий свой дух испустил
Навеки сей муж благородный;
У трона Иеговы, как серафим,
Парит он ныне, свободный.

И нет Адониса кривого, его
Напрасно искал я всюду;
На улицах он продавал фарфор —
Горшки, ночную посуду.

В живых ли маленький Мейер еще, —
Совсем неизвестно мне это;
Досадно очень, что справиться я
О нем забыл у Корнета.

Скончался и преданный пудель Саррас.
Готов о заклад я биться,
Что Кампе приятней бы вместо него
Десятка поэтов лишиться.

С древнейших времен население здесь -
Евреи и христиане.
У первых с последними общее есть —
Придерживать грош в кармане.

Народ христиане не дурной:
Они обедают славно,
И платят всегда по своим векселям
В канун последний исправно.

Евреи делятся здесь опять
На партии: новая — богу
Молиться стекается в храм; старики
Идут, как встарь, в синагогу.

У новой — протесты: считают они
Свинину законным блюдом,
И — демократы; а те больны
Аристократическим зудом.

Люблю я и тех и других; но клянусь
Тобою, о праведный боже,

Что некая рыбка — названьем шпрот
Копченый — мне их дороже!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Сравнить, как республику, Гамбург нельзя
С Венециею бесспорно,
Но в Гамбурге устрицы лучше; их сорт
У Лоренца — самый отборный.

Прекрасным вечером туда
Зашел я с Кампе в компании;
Хотелось устриц поесть и свершить
Рейнвейна возлиянье.

Нашел я милое общество там
И радостно принял в объятия
Старинных друзей, например Шофпье;
Тут были и новые братья.

Тут встретил я Вилле; лицо у него,
Ей богу, альбом настоящий,
Где академические враги
Вписались рукой разящей.

И Фуке был тут — язычник слепой.
Противник личный Иговы;
Лишь в Гегеля верует он да еще,
Чуть-чуть, в Венеру Кановы.

Хозяиничал Кампе; он раздавал,
Весьма довольный, поклоны,
Улыбки, и блаженством сиял,
Как взор пресветлой Мадонны.

С большим аппетитом я ел и пил,
В душе помышляя при этом:
«Действительно, Кампе великий муж,
Он стал издателей цветом.

Другой бы издатель мне дал пропасть
От голода бессердечно,
А этот, добрейший, меня поит;
Его не покину вечно!

Хвалу я тебе воздаю, творец,
Сей сок виноградный создавший
И Юлия Кампе с небесных высот
В издатели мне пославший.

Хвалу я тебе воздаю, творец,
Жизнь давший своим всемогущим
«Да будет!» рейнвейну на твердой земле
И устрицам, в море сушим.

При этом еще ты лимон создал,
Чтоб устрица им кропилась;
Дай, отче, теперь, чтоб сегодня во мне
Вся пища переварилась!»

Рейнвейн размягчает меня всегда,
Смиряет мой дух мятежный
И в нем зажигает огонь любви —
Любви к человечеству нежной.

Из комнат на улицу тянет меня —
Всю ночь прошляться: в объятья
Там ловишь душу чужую; следишь,
Мелькнет ли белое платье.

В такие часы расплываюсь весь,
И сердце томится кротко,
Все кошки кажутся серыми, и
Еленами — все красотки.

Гуляя, я в улицу Дребан зашел
И вижу в лунном мерцаньи
Жену величавую пред собой, —
С высокой грудью создание.

Лицо было кругло, здоровьем цело,
Глаза с бирюзою схожи,

Ланиты — две розы, рот — вишня, нос
Слегка с краснотою тоже.

Главу покрывал полотняный колпак,
Весь белый, хитро скроенный —
Зубчатые стены и башенки, схож
По виду с стенной короной.

Края ее туники белой до икр —
И что за икры! — спускались,
А самые ноги мне парой колонн
Дорических показались.

Лицо незнакомки носило в себе
Обычных свойств выраженье;
Но сверхчеловеческий зад ее
Вещал о высшем рожденьи.

Ко мне подошла и сказала она:
«Привет на Эльбе! Скитался
Тринадцать ты лет, и вижу, таким,
Как прежде, и днесь остался.

Быть может, ты ищешь прекрасных душ,
С какими в прежние годы
Так часто всю ночь проводил в мечтах
Средь этой дивной природы?

Их всех поглотила чудовище-жизнь,
Стоглавая гидра. Былого
И милых твоих современниц, увы,
Тебе не найти уж снова.

Тебе не найти дорогих цветов,
Которым юной душою
Ты нес поклоненье; увяли они,
Развеяны бурей злою.

Увяли, иссохли, пятой судьбы
Растоптаны жестоко ...
Мой друг, уж таков неизменный удел
Всего, что чисто, высоко».

«Кто ты? — я вскричал, — на меня ты глядишь,
Как старой поры виденье!
Великая! Где ты живешь? Получу ль
Тебя проводить дозволение?»

С улыбкой она: «Ошибаешься ты,
Меня такую считаешь;
Я лучшего тона особа, вполне
Прилична, морально чиста я.

Нет, я не мамзель какая-нибудь,
Лоретка легкого веса.
Узнай: богиня Гаммония я
И Гамбурга патронесса.

Смутился ты, испуган, певец
С такой бесстрашной душою!
Что, все-таки хочешь меня проводить?
Ну, следуй сейчас за мною!»

И с хохотом громким я ей отвечал:
«Идем! За тобой я смело
Последую всюду, хотя бы в ад
Меня ты свести хотела!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Как узкою лестничкой я наверх
Попал, сказать не умею;
Быть может незримые духи меня
Внесли, незримо, за нею.

Здесь, в спальне Гаммонии, быстро часы
Прошли для меня; призналась
Богиня, что в ней неизменно ко мне
Симпатия сохранялась.

«Ты знаешь, — сказала она, — для меня,
Бывало, не было в мире
Певца драгоценней того, кто воспел
Мессию на скромной лире.

Вон там, на комод, ты видишь, стоит
Клошптока бьют по сю пору;
Но я уж давно обратила его
В болван головному убору.

Любимец мой — ты; изголовье мое
Лишь твой портрет украшает,
И рамку лица дорогого всегда
Зеленый лавр обвивает.

Порою, однако, — признаться должна, —
Меня оскорблял ты больно,
Так зло над моими сынами глумясь;
Оставь их ныне, довольно!

Надеюсь, что время тебя от таких
Бесчинств теперь излечило
И больше терпимости даже к глупцам
В душе твоей поселило.

Скажи мне, однако, как вздумал ты
Во время столь позднее года
Поехать на север? Ведь скоро здесь
Уж зимняя станет погода».

«Богиня! — ответил я ей: — на дне
Души человека таятся,
Сном скованы, мысли, и часто они
Не во-время пробудятся.

Наружно мне недурно жилось.
Внутри же все с большей силой
Тревога росла, и я занемог
Тоской по родине милой.

И воздух французский, столь легкий всегда,
Давить меня стал; все яснее
Я чувствовал, — чтоб не задохнуться, мне
В Германию надо скорее.

Я запаха жаждал болот торфяных,
Родного табачного дыма;

Дрожала нога, нетерпеньем попать
Немецкую землю томима.

Вздыхал по ночам я, душою летел
Туда, к «Плотинным Воротам»,
Где милая старушка живет,
И в близком соседстве — Лотта.

«Вздыхал и о славном моем старике,
Который меня беспрестанно
Журил, но зато и добрым моим
Защитником был постоянно.

Из уст его — «глупого мальчика» мне
Услышать хотелось снова;
Бывало, звучали в душе у меня,
Как музыка, эти два слова.

Манили меня и немецкий дымок,
Струею синей летящий,
И нижнесаксонских соловушек трель
В таинственной буковой чаше.

Стремился я душою в места
Страданий прошлых, готовый
Вновь чувство изведать, с каким тогда
Нес крест и венец терновый.

Вновь плакать хотел я, где плакал встарь
Слезами горчайшими в жизни.
Мне кажется, глупая эта тоска
И есть ведь любовь к отчизне.

О ней я не очень люблю говорить,
По-моему, чувство это —
Болезнь, и не больше; я раны свои
Таю стыдливо от света.

Гадка мне та сволочь, что, с целью будить
В сердцах умиления порывы,
Свой патриотизм напоказ несет
И вместе — его нарывы.

Бесстыдные нищие, грязная дрянь!
У всякого просит подать ей
На грош популярности, ради Христа,
Для Менцеля с швабской братьей.

Богиня, ты видишь, сегодня я
Настроен как-то слезливо;
Я болен немного, но полечусь,
Здоровье вернется живо.

Да, я нездоров, и ты помочь
Могла бы сердцу больному
Хорошею чашкою чаю, в нее
Подбавив немного рому».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Богиня мне подала чаю, туда
Прибавив рому; сама же
Пить ром принялась, не разбавив его
И капелькой чаю даже.

К плечу моему прислонилась она
Своей головой (чем короне
У колпака причинила изъян),
И в кротком сказала тоне:

«Со страхом я думала часто о том,
Что ты один и далеко,
Средь этих фривольных французов живешь,
В Париже, в гнезде порока.

По улицам бродишь, и нет близ тебя
Издателя-немца при этом,
Который, как ментор, тебе бы служил
Охраной, добрым советом.

А там искушения нет числа,
На каждом шагу встречаешь
Сильфид нездоровых, и очень легко
Покой душевный теряешь.

Не ездите обратно, оставайтесь у нас!
Царят здесь добрые нравы,
Цветут и в вашей тоже среде
Невинные игры, забавы.

Оставайтесь в Германии; все ты найдешь
Здесь лучше, чем в прежнее время;
Прогресс ты, конечно, заметил сам:
Вперед ушло наше племя.

Цензура тоже совсем не строга,
Стал Гофман мягче под старость,
Твои «Reisebilder» не будет впредь
Черкать его юная ярость.

И сам ты стал старше и мягче теперь,
Со многим начнешь мириться,
И прошлое даже должно тебе
В ином уж свете явиться.

Есть крайность в том мнении, что шли дела
Так скверно в нашей отчизне;
От рабства, как некогда в Риме, спастись
Мог каждый, лишив себя жизни.

Свободу мысли народ обладал,
И в массах ее поощряли;
Стесненье терпели немногие — те,
Кто книги печатать желали.

У нас никогда не царил произвол,
Закон соблюдался строго,
Чиновной кокарды лишить лишь суд
Мог даже врага-демагога.

Да, слишком скверно у нас не жилось,
Хоть годы тяжкие были:
Голодную смертью еще никого
В немецкой тюрьме не убили.

В прошедшем Германии нашей есть
Немало прекрасных явлений

Незлобья и веры; теперь настал
Черед отрицаний, сомнений.

Дух внешней, житейской свободы уьет
Тот идеал, что носили
Мы в сердце своем искони, — идеал
Чистейший, как грезы лилий.

Прекрасной поэзии гаснет огонь,
Пылавший ярко когда-то;
В числе князей остальных умрет
И «Черный князь» Фрейлиграта.

Внук будет кушать и пить, но уже
Не в благостном созерцаньи,
Как предок; готовится шумный спектакль;
Идиллии рухнет зданье.

О, будь ты способен к молчанью, печать
Я с книги судеб сорвала бы,
Грядущее в моих зеркалах
Волшебных узреть дала бы.

Да, то, что всегда я от смертных людей
Скрывала, тебе б я явила:
В грядущем близком отчизну твою.
Но — ах! — ты молчать не в силах!»

«Богиня? — в восторге я закричал, —
Мне даст наслажденье картина
Грядущей Германии! О, покажи!
Молчать я могу, я мужчина!

Какой бы ты клятвой молчанья меня
Связать ни хотела, любую
Я с полной охотою принесу.
Итак, назначай — какую?»

Она отвечала: «Клянись мне так,
Как некогда клясться заставил
Отец Авраам Эльязара, когда
В дорогу его отправил.

Подняв одеянье мое, положив
Ко мне под стегно свою руку,
Клянись ни в речах, ни в писаньях впредь
Не дать прорваться ни звуку!»

Торжественный миг! Точно древность меня
Дыханьем объяла ныне,
Когда по обычаю праотцов я
Дал клятву свою богине.

Подняв одежду ее, положил
Я к ней под стегно свою руку
И клялся в речах и писаньях впредь
Не дать прорваться на звуку.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Румянцем пылало богини лицо
(Быть может, от рома к короне
Прихлынула кровь), и сказала она
В до крайности грустном тоне:

«Стара становлюсь я: в тот самый день,
Как Гамбург, я свет увидала;
Царицею рыбьей была моя мать,
И в устьи здесь проживала.

Отец мой был славный, великий монарх;
Carolus Magnus он звался.
Сам Фридрих Великий, пруссаков король,
С ним мощью, умом не сравнялся.

Тот стул, на котором венчанье приял
Он в Ахене, там и остался;
А стул, на котором он ночью сидел
Жене в наследство достался.

А матушка мне завещала его.
Он с виду невзрачен, но верьте —
Пусть Ротшильд все деньги свои мне даст,
Я с ним не расстанусь до смерти.

Вот, видишь старое кресло в углу,
Ободрана кожа со спинки,
А в мягкой подушке сиденья его
Моль выела волосинки.

Но ты подойди, подыми на нем
Подушку — и пред тобою
Отверстие круглое будет; котел
Увидишь ты под дырою.

Волшебные силы в волшебном котле
Кипят; и, если ты вложишь
В отверстие голову, явственно в нем
Узреть грядущее можешь.

Увидишь Германии будущность; там
Вся бродит она, как фантазмы;
Но ты не пугайся, когда из котла
Начнут вздыматься миазмы!»

Улыбкою странной окончила речь
Богиня; я не смутился
И в страшную дыру головой
Пытливою опустился.

Что в ней я увидел, сказать не могу,
Молчать я клялся. Мне тоже
Позволено лишь чуть-чуть намекнуть,
Чего нанюхался... Боже!

Теперь еще гадко, как вспомнится мне
Гнуснейший пролог — испаренье.
Казалось, это — кожи сырой
И старой капусты смешенье.

Когда же вослед за прологом бить
Пары настоящие стали,
Подумал я, боже! что здесь тридцать шесть
Навозных куч очищали.

Я знаю прекрасно — когда-то Сен-Жюст
Сказал в Комитете Спасенья,

Что в мускусе с розовым маслом нет
От недуга исцеленья.

Но эта грядущей Германии вонь
Превысила все, что дотоле
Мой нос себе представлял. Наконец,
Не в силах сносить уж боле,

Лишился я чувств. А когда глаза
Открыл, то рядом со мною
Сидела богиня, и я припадал
К широкой груди головою.

Сверкал ее взор, пылали уста,
Дрожали ноздри; горела
Вакхически вся и, поэта обняв,
В экстазе диком запела:

«Есть в Тулэ король; из сокровищ своих
Всех выше, ценнее считает
Он кубок один; хлебнет из него, —
Тотчас сознание теряет.

Идеями, трудно понятными нам,
Его наполняется разум;
В такие минуты упрятать тебя
Он может своим указом.

Не ездь на север; не дайся тому,
Кто в Тулэ сидит на престоле,
Его полицейским, жандармам его
И исторической школе.

Останься со мною, тебя я люблю,
Мы пить здесь в Гамбурге будем
И устриц живой современности есть,
О темном грядущем забудем.

Закрой его крышкой, чтоб наших утех
Отныне вонь не мрачила;
Тебя я люблю, как поэта у нас
Еще ни одна не любила.

Тебя я целую и чувствую, как
Вселяет в меня вдохновенье
Твой гений; чудесное душу мою
Овеяло опьяненье.

Я словно на улице, песня на ней
Ночных сторожей раздается.
О милый мой спутник в блаженстве моем,
То песнь Гименя поется!

Вот едет служителей конных отряд;
Их факелы ярко пылают.
И факельный танец танцуют они,
Кружатся, скачут, играют.

Высокопочтенный и мудрый сенат.
Старейшины с ним для встречи;
Меж них бургомистр; откашлялся он,
Готовясь к приветственной речи.

Идут и посольства при дворе
В блестящем облачении,
И сдержанно от соседних держав
Приносят нам поздравленье.

Духовная депутация; в ней
Пасторы, раввины... боже! —
Я вижу и Гофмана в этой толпе,
С ним ножницы цензора тоже!

Они зазвенели в руках дикаря,
Он с ними к тебе устремился
И в самое мясо вонзил их вдруг, —
Ты лучшего места лишился!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Что этой диковинной ночью потом
Еще свершилось, об этом
Впоследствии я расскажу, когда
Теплей у нас будет, летом.

Притворщиков поколение пошло
На убыль у нас, слава богу;
Болезнь лицемерия его
Сведет во гроб понемногу.

И новый род народился; в нем
Грехов и лжи не найду я;
Свободная воля, свободная мысль!
Ему-то все и скажу я.

Цветет уж юность; оценит она
И честь и нежность поэта
И будет приветливо сердцем его,
Как солнцем жарким, согрета.

Как солнце, вселяюще сердце мое,
Поспорит с огнем чистотою;
Настроили Грации лиру мою
Своей прекрасной рукою;

Та самая это лира, друзья,
На коей отец блаженный
Пел в годы минувшие — Аристофан,
Любимец Камен неизменный.

Та самая лира, на коей воспел
Он некогда Пайстетероса,
Который, вступив с Базилеей в брак,
В мир облачный с ней унесся.

В последней главе я слегка подражал
Концу его «Птиц» — сочиненья,
Которое лучше всех прочих пьес
Отца моего, без сомненья.

Весьма хороши и «Лягушки». Их
Теперь решили поставить
На сцене в Берлине, чтоб короля
Потешить и позабавить.

Король их любит. В нем развит вкус
К античному. А, бывало

Отца его пенье новейших квакуш
Сильней подчас забавляло.

Король их любит. Однако ж, будь
В живых их автор поныне,
Ему б не советовал я — самому
Теперь явиться в Берлине.

Наверное очень бы плохо пришлось
Живому Аристофану;
Бедняге устроили бы у нас
Из хоров жандармских охрану.

Чернь, вместо вилянья хвостами, могла б
Ругать его, с дозволенья.
Полиции было бы велено взять
Певца под свое наблюденье.

Король! я желаю тебе добра,
Послушай благого совета:
Чти, сколько угодно, умерших певцов —
Живого не тронь поэта!

Живого поэта страшись оскорблять!
В руках его пламя и стрелы
Ужасней Зевеса громов, что создал
Его же вымысел смелый.

Ты волен, коль хочешь, весь мир оскорблять —
И древних носителей света
В полях олимпийских, и Иегову,
Но только не трогай поэта!

Я знаю, что боги казнят за грехи
Нешадно племя людское,
Что пламя в аду горячо весьма, —
Там нас превращают в жаркое.

Но есть и святые, — из ада они
Молитвами нас выводят;
Дары по церквам, панихиды порой,
Ходатаев в небе находят.

В день судный придет, наконец, Христос,
Он ада врата одолеет,
Хоть будет строг его суд, — ускользнуть
Молодчиков много успеет.

Но есть другие геенны, из них
Уже невозможно спасенье;
Бесплодны молитвы, бессильно помочь
Спасителя всепрощенье.

О Дантовом «Аде», терцинах его
Ужасных слышал, быть может?
Тому, кто поэтом туда заточен,
Тому и бог не поможет.

От этих поющих огней не даст
Спаситель сам избавленья ...
Смотри, чтоб нам не обречь тебя
На этого ада мученья!

